

Кирилл Чернов

Рец. на: Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма. Документы: в 3 т. / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Ю. Андреева и Д. Тозато-Риго; пер. с фр. В.А. Мильчиной. Т. 1: 1782–1802. 920 с., ил. М.: Политическая энциклопедия, 2014. (Серия «Бумаги дома Романовых»)

Kirill Chernov

(N.A. Semashko National Research Institute of Public Health, Moscow, Russia)

Rec. ad op.: Imperator Alexander I i Frederic-Cesar La Harpe: Pis'ma. Documenty: in 3 vols. Vol. 1. Moscow, 2014

В 2014 г. был опубликован первый том (из запланированного трёхтомного издания) переписки великого князя, наследника российского престола и впоследствии императора Александра I и его учителя – уроженца швейцарского кантона Во, адвоката, одного из директоров Гельветической республики Фредерика-Сезара Лагарпа. Книга охватывает период с 1782 по 1802 г. Появление этого сборника документов является значительной вехой в деле публикации источников по истории России и Европы рубежа XVIII–XIX вв. Личности самих участников переписки – республиканца и революционера, с одной стороны, и sostenителя и реформатора, с другой – определяют высокую степень значимости данной публикации, особенно с учётом того, что с именем Александра I в русском общественном сознании устойчиво ассоциируется, наверное, самая противоречивая эпоха преобразования Российской империи.

Впервые у читателей появилась возможность ознакомиться на русском языке не только с эпистолярным наследием Лагарпа и Александра I, но и со значительным по объёму корпусом вспомогательных документов, проливающих свет как на политическую историю России и Европы конца XVIII – начала XIX в., так и на особенности характеров вершителей её судеб того времени. Материалы первого тома в значительной мере позволяют раскрыть многогранность их взаимных отношений и понять то влияние, которое они оказывали на исторический процесс. Читатели могут воочию убедиться в том, из «какого сора» обыденности вырастали важнейшие проблемы политической жизни, будь то вопрос о престолонаследии в России при Екатерине II и Павле I или

переворот 12 марта 1801 г. Вместе с тем они узнают о взаимодействии кантональных властей Во и Берна, швейцарской и французской республик, а также о том, как жители Гельветии воспринимали её оккупацию во время похода А.В. Суворова. А.Ю. Андреев и Д. Тозато-Риго провели колоссальную работу по воссозданию некогда единого, но ныне разобщённого по четырём архивным фондам двух стран комплекса писем и дополняющих их документов, бережно собиравшихся, хранившихся и обрабатывавшихся Лагарпом на протяжении всей его жизни. Всё это, безусловно, делает их труд значимым событием в русскоязычной историографии.

Несомненным достоинством публикации следует признать переводы огромного корпуса французских текстов собственно переписки и сопутствующих ей материалов, блестяще выполненные В.А. Мильчиной. Ей удалось передать аромат, живость, вкус языка рубежа XVIII–XIX вв., сохранив стилистическое единство, оттенить особенности слога каждого корреспондента, всю сложность их человеческих характеров и политических судеб. Бережно переданное переводчицей изменение стилистики писем Лагарпа и Александра I в 1795–1801 гг. помогает читателю увидеть, как постепенно менторски-назидательный тон учителя, безоговорочно принимаемый его учеником, сменяется дружеским. Вероятно, в последующих томах эта особенность переводов позволит показать и отчуждение, возникшее между ними в период Священного союза.

Вышедший том имеет достаточно сложную структуру и состоит из пяти частей: введения, переписки Лагарпа с Александром I, приложений, комментариев публикаторов к текстам писем и приложений, а также «списка исто-

рических реалий», знакомящего с мерами существования, денежными единицами, государственными органами, научными и образовательными учреждениями России, Франции и Швейцарии XVIII – начала XIX в., основными положениями международных договоров наполеоновской эпохи. Письма и приложения имеют собственную, отдельную друг от друга, сквозную по всему тому внутреннюю нумерацию. Тексты писем сопровождаются разновременными и разнотипными комментариями самого Лагарпа, специально собранными публикаторами из различных источников. Среди приложений – переписка швейцарца с Екатериной II, Павлом I, вел. кн. Константином Павловичем, А.Д. Ланским, гр. Н.И. Салтыковым, С.Ф. Стрекаловым, Л.И. Голенищевым-Кутузовым, бароном Ф.-М. Гриммом и Ш. Делакура, письма Александра I к матери и Наполеону Бонапарту, письмо императрицы Марии Фёдоровны вел. кн. Константину Павловичу, отрывки из путевых заметок, различные памфлеты, записки и проекты Лагарпа.

Все публикуемые документы разделены в книге на три части, каждая из которых охватывает определённый период. 1782–1795 гг. – время собственно ученичества, открывающегося детскими «записочками» восьмилетнего Александра, написанными «крупным детским подчерком», «с изрядным числом ошибок», и завершающегося педагогическими наставлениями Лагарпа перед его отъездом из Санкт-Петербурга. 1795–1801 гг. – «особенно содержательный», по словам составителей, этап, по сути, распадающийся на две хотя и взаимосвязанные, но всё же самостоятельные сюжетные линии. Первая из них освещает прежде всего жизнь и деятельность политического эмигранта (1795–1798 и 1800–1801 гг.) и члена гельветической Директории (с 29 июня 1798 г. по 7 января 1800 г.) Лагарпа, а также отдельные события истории Швейцарии и Франции. Вторая – отражает эмоциональное состояние вел. кн. Александра в конце екатерининского и на протяжении павловского царствований. Август 1801 – май 1802 г. – месяцы, когда Лагарп вновь жил в Санкт-Петербурге. Тогда, как пишут Андреев и Тозато-Риго, Александру I предстояло «широкое поле деятельности на поприще, им самим намеченном», и «23-летний император испытывал явную нужду в конкретном политическом опыте» Лагарпа (с. 103–104).

Такое деление, по мнению публикаторов, исходит из «логики развития переписки Александра I и Ф.С. Лагарпа» (с. 29). Однако не вполне понятно, в чём эта «логика» состоит, если не считать факта присутствия или отсутствия Лагарпа в Петербурге. Между тем подобная периодизация представляется крайне спорной, поскольку не учитывает ни событийную канву, ни тематику переписки и разрывает её живую ткань. К примеру, обучение великого князя, в основу которого Лагарп положил «назидательный тип преподавания», прививавший воспитаннику «добродетели и обязанности монарха», что «совпало с намерениями Екатерины II» (с. 57), освещается в письмах как первой, так и второй части книги. Согласно действовавшим в Российской империи правилам, оно должно было прекратиться после вступления вел. кн. Александра Павловича в брак 17(28) сентября 1793 г., однако на практике его занятия со швейцарцем продолжались, хотя и со значительными перерывами, вплоть до формальной отставки Лагарпа 20 ноября 1794 г. Более того, даже покинув в мае 1795 г. Россию, он до лета 1797 г. продолжал давать наставления своему ученику. Об этом недвусмысленно свидетельствуют как его письма, так и помещённый в приложение «Отрывок из “Путевого журнала” Ф.-С. Лагарпа», относящийся к маю 1795 г. (с. 344–345). Семь из девяти писем Лагарпа к вел. кн. Александру 1795–1801 гг. полностью или частично состоят из разнообразных поучений (с. 280–286, 294–296, 303–305, 317–326, 333–334). Выделяя соответствующие периоды, составители, вероятно, невольно следовали внутренней «логике» самого Лагарпа, много лет готовившего к изданию свои бумаги. Но если для швейцарца критерием периодизации естественно выступала его собственная судьба, то для научной публикации документов в начале XXI в. такой подход едва ли оправдан. В любом случае структуру книги следовало бы продумать и обосновать более чётко и подробно.

В начале тома помещено обширное введение (с. 6–112), состоящее из двух разделов разного характера и объёма. В первом рассматривается история формирования публикуемого комплекса документов и их издания, излагаются принципы воспроизведения текстов источников. При этом по не объяснённой причине очерк образования и разделения архивного комплекса (с. 6–17, 24–29) разрывается характеристикой предшествующих публикаций (с. 18–24).

Публикаторы подробно осветили возникновение архивных коллекций, в которых ныне находится некогда цельный документальный комплекс, созданный в своё время Лагарпом. Но в результате ими прослеживается не столько процесс образования данного корпуса текстов, сколько ход его разобшения и перемещения. Это весьма увлекательный, но скорее даже не исторический, а сугубо архивоведческий очерк, в котором авторы практически упустили из виду собственно источниковедческую критику самих текстов.

Во введении лишь очерчен исходный комплекс документов, характеризующий отношения Лагарпа и Александра I. Как утверждают Андреев и Тозато-Риго, он состоит из детских записок великих князей Александра и Константина, переписки Лагарпа с Александром Павловичем и другими особами Императорской фамилии, а также отдельными сановниками Российской империи, из нескольких типов его комментариев к этим эпистолярным памятникам, мемуаров и составленных им тематических сборников, включавших оригиналы и копии писем с пояснениями. Часть этих материалов была на рубеже 1970–1980-х гг. опубликована в Швейцарии на французском языке профессором Ж.-Ш. Бюде и его ассистенткой Ф. Нико. Критикуя «этот колоссальный труд» за неполноту и неточность, Андреев и Тозато-Риго провели титаническую работу, сверив копии, сделанные Лагарпом в разное время, с подлинниками писем, хранящимися в российских архивах, дополнили корпус текстов, включив несколько копий, «изготовленных Лагарпом для великого князя Константина Павловича и для Николая I, в которых находились его заметки, не совпадавшие с примечаниями к другим копиям», «разорвали привязку приложений к конкретному письму и сгруппировали их в отдельные разделы», изменили и заметно расширили число дополняющих переписку документов, извлечённых из архивов Швейцарии и России, подготовили научный комментарий.

Вместе с тем Андреев и Тозато-Риго также не включили в свой сборник некоторые хорошо известные, но от этого не менее значимые источники. Например, педагогические записки Лагарпа 1786–1794 гг., подробно освещающие процесс обучения великих князей Александра и Константина (ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 290; *Bibliothèque cantonale et universitaire de Lausanne*

(VCU Laussane) H 42). Конечно, как отмечают составители, эти материалы уже публиковались отчасти по-французски, частью в переводах на русский язык М.И. Сухомлиновым и в «Русской старине». Но ведь и весь корпус переписки Лагарпа с его русскими адресатами также уже был опубликован Бюде и Нико, что не помешало Андрееву и Тозато-Риго подготовить его новое издание. Нельзя не обратить внимание и на помещённый в сборнике отрывок из «Путевого журнала» Лагарпа. Он содержит крайне любопытные рассуждения швейцарца о Фридрихе Великом, который изображён как идеальный монарх, бывший «своему народу воистину первым слугою». Александру недвусмысленно указывается на этот образец благодетельного правителя, которому следует подражать. Возможно, во всём «Путевом журнале» содержится только выбранный публикаторами фрагмент, но тогда данное обстоятельство требует объяснения, поскольку иначе создаётся впечатление, что в нём есть и другие, не менее ценные записи.

Сообщая о том, как Лагарп готовил к печати свои бумаги, надеясь обнародовать их ещё при жизни, Андреев и Тозато-Риго выделяют шесть типов созданных им копий, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов и Кантональной и университетской библиотеке Лозанны: «Копии для великого князя Константина Павловича», «Копии для императора Николая I», «Копии всех (за единичными исключениями) писем Лагарпа к Александру I», «Копии всех писем Александра I к Лагарпу», «Копии писем Лагарпа к другим членам императорской фамилии», «Копии писем других членов императорской фамилии к Лагарпу» (с. 27–28). Все эти списки, по словам публикаторов, были снабжены самим Лагарпом разнообразными примечаниями и сопроводительными заметками, которые помещены в сборнике в виде «подстрочных сносок на странице» (с. 30) к текстам соответствующих писем. А так как записи, сделанные на разных списках, не совпадают друг с другом, публикаторы «курсивом в квадратных скобках» указывают конкретную копию, откуда взят данный комментарий. При этом в подстрочных сносках встречаются только «Копия для вел. кн. Константина», «Копия для Николая I», «Копия I» и «Копия II». Таким образом, четыре из шести типов, выделенных во введении, сведены в сноски в два. Однако ни принципы такой группировки, ни

перечень документов, обозначенных как «Копия I» и «Копия II», не раскрываются.

Большой заслугой составителей сборника является то, что они решили переводить и «публиковать не выборочно, а в целом, ... как единый источниковый комплекс», оставленные Лагарпом «объяснительные примечания» и «заметки», тогда как Бюде и Нико приводили их частично (с. 22–23). При этом во введении Андреев и Тозато-Риго указывают несколько типов комментариев: «notes explicatives» («объяснительные примечания», «представляющие собой дополнения автобиографического характера») (с. 6); «observations» («заметки», «вынесенные Лагарпом на отдельные листы рукописи»); «развёрнутые комментарии» к самостоятельным «рукописным сборникам», включающим копии писем «к различным лицам»; «“Мемуары”, где автобиографический текст... перемежался с текстами его переписки с Александром I, служа комментарием и дополнением к последней» (с. 7); «несколько примечаний» для «лучшего понимания» в «копии для вел. кн. Константина» (с. 13); «комментарии» к «копии для Николая I» (с. 14). Одновременно говорится, что «копии для великого князя Константина Павловича» и «копии для императора Николая I» «снабжены примечаниями рукой Лагарпа, а также его сопроводительными заметками (“observations”»)» (с. 27). Таким образом, остаётся не вполне понятно, относится ли термин «observations» только к комментариям в копиях Константину и Николаю или такие же «заметки» имеются и на других списках. Если словом «observations» Лагарп помечал любые развёрнутые комментарии, вынесенные на отдельные листы, то публикаторам следовало указать, в каких типах копий они содержатся, и визуально отделить различные виды «observations» друг от друга. Кроме того, трудно сказать, считают ли Андреев и Тозато-Риго «примечания рукой Лагарпа» на копиях для Константина и Николая I «notes explicatives» или каким-либо другим типом. Подобная нечёткость употребляемых определений и терминов заметно затрудняет восприятие и без того крайне сложных по своей структуре подстрочных сносок. К тому же складывается впечатление, что составители включили в них все имеющиеся «развёрнутые комментарии» к самостоятельным «рукописным сборникам» и тексты «Мемуаров» Лагарпа, однако об этом нигде не сказано. Все упомянутые публикаторами типы комментариев приводятся ими в подстрочных сносках, однако определить,

к какому из них относится тот или иной текст, практически невозможно, поскольку отсылка даётся только к копии (Константину, Николаю, копия I или II).

Швейцарец трудился над своим эпистолярным наследием более 30 лет – с 1807 г. по март 1838 г. (с. 11, 16). Авторы выделяют два периода этой работы: к 1807 г. «появились и первые комментарии Лагарпа к его письмам» («notes explicatives») (с. 11), затем, в 1823–1837/38 гг., в ходе «систематического переписывания и комментирования», были созданы копии для вел. кн. Константина Павловича и Николая I, по две копии «более двух десятков писем и мемуарий Лагарпа к Александру», а также всех писем Александра к Лагарпу за 1801–1802 гг. (с. 15), «рукописные сборники» с обстоятельными «notes explicatives» и «Мемуары». К сожалению, Андреев и Тозато-Риго не провели источниковедческого анализа не только писем, но и комментариев Лагарпа, что, пожалуй, является наиболее уязвимой стороной их публикации. В ней не ставится вопрос о соотношении разновременных «примечаний» между собой, об эволюции взглядов Лагарпа и его оценок комментируемых событий, а также о том, существовала ли некая тенденция в изменении тональности или содержания его заметок. В результате у читателя складывается впечатление, что точка зрения Лагарпа оставалась статичной на протяжении всех 30 лет, а происходившие в то время в Европе перемены и менявшийся характер общения учителя и ученика никоим образом не отразились на представлениях Лагарпа о прошлом. Только один раз публикаторы дают почувствовать «разницу комментариев, которые Лагарп обращал к Константину – более непосредственно, открыто и прямо... с теми, которые были обращены к Николаю I, где явно выдерживалась дистанция» (с. 27). При столь сложной и многогранной структуре комментариев, на которую сами публикаторы обращают внимание, одного этого замечания явно недостаточно.

Вторая часть введения, озаглавленная «Александр I и Ф.С. Лагарп – ученик и учитель в годы революций и либеральных реформ», занимает 88 страниц (!) и посвящена преимущественно биографии Лагарпа. Авторы подробно описывают его адвокатскую деятельность до приезда в Россию (с. 31–39), обстоятельства приглашения швейцарца на должность преподавателя к великим князьям (с. 39–48), условия

его жизни в России (с. 60–64), политическую деятельность (спор с «бернскими господами») и её влияние на положение при императорском дворе и отставку Лагарпа (с. 64–75), возвращение в Европу (с. 75–81), участие в революционных событиях в Швейцарии (с. 81–103). Об Александре I говорится гораздо меньше и то преимущественно в связи с его обучением (с. 48–60) и действиями в период сравнительно краткого пребывания Лагарпа в России в 1801–1802 гг. (с. 103–112). Примечательно, что такие важнейшие для политической истории России темы, как стремление Екатерины II передать престол внуку, минуя Павла, участие или неучастие Александра в заговоре, степень его нравственной ответственности за отцеубийство, да и собственно обстановка «дней Александровых прекрасного начала» отходят во введении на второй план, превращаясь в фон биографии Лагарпа. Конечно, нельзя сказать, что эти сюжеты вовсе отсутствуют в тексте Андреева и Тозато-Риго, но освещены они более чем скромно. Видимо, авторы введения полагают, что биография императора и так хорошо известна читателям. Характерно, что, описывая жизненный путь швейцарца, они привлекают широкий круг источников, тогда как об истории России рубежа XVIII–XIX вв. пишут, как правило, по материалам самого сборника.

В какой-то мере это является, вероятно, следствием структуры рецензируемого сборника, в основу которой положен комплекс документов, созданный Лагарпом. Публикаторы невольно оказываются под влиянием той логики, которую Лагарп хотел навязать своим будущим читателям. Дело в том, что швейцарец с определённого момента перестал вызывать интерес в общественно-политических кругах и Франции, и Швейцарии, и России. Об этом прямо свидетельствуют его отношения с французскими эмигрантами при Дворе Екатерины II в 1794–1795 гг., с Павлом I в 1798 г., с «республиканцами» и «федералистами» Гельветической республики в 1800–1801 гг., наконец, с «молодыми друзьями» царя в 1801–1802 гг., а впоследствии и с самим Александром I. Именно поэтому после 1823 г. Лагарп обратился к конструированию и комментированию корпуса документов. Фактически он писал собственную биографию на фоне судьбоносных событий французской революции, наполеоновских войн, жизни и царствования Александра I. Лагарп хотел сохранить о себе добрую

память, и это ему в полной мере удалось, о чём, в частности, свидетельствуют структура и вступительная статья рецензируемого издания. На это недвусмысленно указывают и авторы публикации, отмечая, что над своими бумагами «Лагарп работал до конца жизни, считая их главным своим наследием и предназначая к посмертной публикации» (с. 7).

Не удивительно, что во второй части введения авторы придерживаются хронологического, а не тематического принципа подачи материала, не обращая должного внимания на вычленение того круга проблем, освещение которых позволяет лучше понять и подвергнуть научной критике публикуемые ими же документы. Прежде всего это касается вопроса о роли, месте и влиянии Лагарпа при подготовке и проведении реформ 1802 г. «В сумме, — признают Андреев и Тозато-Риго, — за весь период пребывания в Петербурге швейцарцем была проделана огромная работа: им написано свыше 70 писем к Александру, ко многим из которых приложены многостраничные записки и проекты. Они касаются самых разных отраслей преобразований: от реформ суда и финансов до международных дел. Однако приходится констатировать: далеко не всегда проекты Лагарпа оказывались действительно востребованными, а их идеи доходили до практического воплощения в России» (с. 105). Единственное объяснение этому авторы видят в «характерах обоих людей». «Как это свойственно концу XVIII — началу XIX века, — пишут они, — чувство взяло верх над разумом, личные аспекты отношений возобладали над чисто политическими» (с. 112). Андреев и Тозато-Риго подробно излагают предлагавшиеся Лагарпом меры (хотя и публикуют в приложениях значительную часть его проектов), но не сравнивают их ни с идеями, звучавшими в Негласном комитете и Непременном совете, ни с тем, что было реализовано на практике. Не раскрывают они и причины, заставившие ученика отказаться от воплощения рекомендаций учителя.

Тем не менее следует признать, что очевидные погрешности, имеющиеся у публикации, вовсе не лишают её научной значимости. Появление подобных изданий совершенно необходимо, поскольку они расширяют наши знания и способствуют дальнейшему изучению александровского царствования.